

Aisyré Maraxóla

Πάντα,
καταφορά με βίωμα

Айгуль Малахова
Папа, которого не было

«Автор»

2025

Малахова А.

Папа, которого не было / А. Малахова — «Автор», 2025

Аурика - книголюб, дипломированный юрист, работающая не по профессии. Когда погибает её сосед и друг, она решает, что обязана выяснить, в чем дело. Ведь в полиции уверены - это несчастный случай. Черда покушений на девушку убеждает, что она и сама очень сильно мешает кому-то. Расследуя дело самостоятельно, она выходит на след преступника. Но! Гениальный автор детективов по имени жизнь вносит свои коррективы в историю. И вот уже Аурика понимает, что финал будет совсем другим, нежели она предполагала. Такого сюрприза она не ожидала...

© Малахова А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Айгуль Малахова

Папа, которого не было

Глава 1

Я поднималась пешком на седьмой этаж не потому, что сломался лифт. Мне вдруг захотелось устроить небольшой забег, размяться. Сегодня выходной, никуда спешить не надо и вполне можно прогуляться по лестнице, возвращаясь из магазина, решила я.

Марафона на короткую дистанцию не получилось. На третьем этаже сбилось дыхание. На пятом я сбавила резвый темп и пошла значительно медленнее. К своей квартире я подходила медленно, в нарочитой задумчивости.

Вот так вот. Двадцативосьмилетняя девушка добирается на седьмой этаж совершенно выбившись из сил. «А всё почему?» – зло спросила я себя. Потому, что веду сидячий образ жизни. И работа в баре по двенадцать часов на ногах, два через два – не считается. Надо хотя бы в выходные больше двигаться, к примеру, вот так, не пользоваться лифтом, а ходить пешком...

– Аурика, привет! – знакомый голос вырвал меня из задумчивости.

Генка, сосед по лестничной клетке, звеня ключами, закрывал свою дверь. Брови его вопросительно поднялись:

– Лифт сломался, что ли?

– Нет, просто решила пешком пройти, – пояснила я, поставив тяжелые сумки прямо на бетонные ступени.

– Зачем? – непонимающе пожал плечами парень и тут же переключился на мои сумки.

– Чего набрала? Смотрю, полны торбочки...

– Да, – устало, но довольно улыбнулась я, – почистила кошелек. Зарплата жжётся.

– Я к тебе вечером зайду, сейчас бежать надо. Занесу одну вкусняху, сам ещё толком не пробовал, – многообещающе сказал Генка, входя в кабину подъехавшего лифта.

– Давай, буду ждать, – произнесла я в закрывшиеся двери и направились к своей квартире.

Научившись читать в шесть лет, я открыла для себя настолько увлекательный мир, что до сих пор так и продолжала поглощать литературу тоннами, нисколько не уставая и не разочаровываясь в чтении. Гена – единственный из моего окружения, который всецело поддерживал мою маниакальную любовь к чтению книг. Мы обитали на одной лестничной клетке несколько лет, ещё с тех пор, как здесь жила моя мама. Гена, журналист в крупном издании, купил квартиру в нашем доме лет пять тому назад.

Тогда же я закончила универ, получив юридическое образование и временно (конечно же, временно!) устроилась работать в бар «Жёлтый крокодил», находившийся недалеко от моего жилья. «Нет ничего более постоянного, чем временное!» – гласит народная мудрость. Вот и я застряла в беспросветной серости будней, всё глубже увязая в безликой работе.

Не скажу, что работа мне не нравилась. Открывались в одиннадцать, по очереди с моим бессменным администратором Максом (он же – напарник, он же – грузчик), закрывались так же по очереди. После обеда приходил охранник Ибрагим (необходимая единица). Работали мы два через два, в другой смене так же несколько лет трудились Вовик и Жорик, безумно похожие друг на друга, хотя не были родственниками.

Я почти всегда работала с утра до одиннадцати вечера, так меня оберегали ребята, да и Макс по натуре был из семейства совиных и вставать рано утром не мог по определению. А какая работа в баре с утра? Какая-нибудь заблудшая душа, не протрезвевшая после вчерашней гулянки и возжаждавшая продолжения банкета, которая просила вызвать такси после пары

рюмок или бокалов. Постоянные клиенты, которые любили именно наш фирменный кофе. Эти обычно забирали с собой.

Ну и подготовка к вечеру: нехитрые закуски делала повариха Лейла (а иногда её сноха Зилола), они же мыли посуду, если осталась с вечера, а я прибиралась в баре и заказывала алкоголь и закуски. Сонное царство часов до шести.

Понятное дело, что специфика работы предполагала общение с разными людьми, бывали и неадекватные, но всегда рядом находился Ибрагим. Бывшему борцу, чемпиону чего-то-там (я так и не смогла запомнить его титул), в основе своей даже не приходилось применять силу. Достаточно было спрятать телефон в карман, встать со своего высокого стула, находящегося неподалёку от входа и подойти к буянившему гостю.

Он так и делал, по-кошачьи упруго соскакивая со своего места и не спеша приближаясь к нетрезвому человеку. Охранник на ходу снимал бордовую олимпийку с надписью «Россия» на спине, кидал её на спинку ближайшего стула и грациозно вытанцовывая, продолжал движение.

Ибрагим просто подходил: на его обычно скучающем лице появлялась довольная улыбка, голова ритмично и хрустко дергалась из стороны в сторону, тело пластично разминалось. Перекачивались бугры мышц под тонкой тканью чёрной футболки с вышитым на груди жёлтым крокодилом. Зрелище было завораживающим и очень впечатляющим. В сочетании с улыбкой маньяка, дорвавшегося до добычи, оно производило неизменно отрезвляющий и успокаивающий эффект.

– Да ладно, братан, я же пошутил! – говорил со снисходительной улыбкой буян, поднимая руки и садился на место, вмиг растеряв львиную долю своей воинственности и на глазах обрастая пушистой белой шерсткой. Ибрагим дружелюбно улыбался новообретённому родственнику и, скрывая разочарование во взгляде, возвращался к своему посту.

Так было почти всегда.

Лишь четыре раза за пять лет, что я там проработала, произошли действительно серьёзные конфликты, когда мы видели нашего борца в действии. Это было кино, от которого невозможно оторваться, несмотря на невесть откуда появлявшегося Макса, который настойчиво теснил меня вглубь производственных помещений. Сначала Ибрагим на борцовском языке (смеси русского языка и кавказского акцента) миролюбиво, почти ласково выговаривал хулигану:

– Э, брат, зачэм шумышь? Лучшэ посыды, уыпэй за здороуиэ!

А когда взбешённый человек бросался на него, очертя голову, улыбка на лице борца становилась ещё шире. Неуловимым движением он швырял противника на пол и с тигриной грацией художественно прыгал сверху, придавив поверженного врага. Через короткое время лежащий начинал хрипеть и просить пощады.

– Будэшь уэсты сэбэ тыхо? – спокойно спрашивал Ибрагим. – Уэрэн?

И, выслушав что-то невнятное, плачуще-сипящее, отпускал бедолагу. После чего тот в секунду становился покладистым кроликом.

Работа с удобным графиком два через два – не просто затягивала – засасывала подобно тёплой уютной топи. Шли дни, но мне совсем ничего не хотелось менять в своей жизни. Несмотря на своё образование и постоянные уговоры матери переехать к ним, в Калифорнию.

Аурикой назвала меня мама, потому что так хотел папа. Она родила меня одна, отец был полицейским и погиб в лихие девяностые при перестрелке с бандитами, грабившими и убивавшими водителей-дальнобойщиков. Мама сказала, что они с отцом много раз разговаривали о будущих детях. «Если будет девочка – то непременно Аурика, а мальчику ты имя выбирай», – сказал тогда совсем молодой папа, еще не знавший о том, что под сердцем у мамы уже нетерпеливо бьётся ещё одно, моё. А вскоре после этого разговора ушёл на работу и больше не вернулся. Живым.

Он был детдомовским мальчишкой, мой храбрый папка и совсем не знал, что такое семейная жизнь, не видел материнской ласки и любви. Но я уверена, если бы отец остался жив,

то счастливей меня не было бы ребёнка: он бы холил, баловал и любил меня. Папин портрет, обрамлённый траурной рамкой, висел в квартире на видном месте. Я регулярно бережно смахивала с него пыль и мысленно разговаривала с отцом. Точнее, просто задавала какие-нибудь, жизненно важные для меня, вопросы и представляла, что он мог бы ответить мне. Моё живое воображение преобразовывало эти мысленные монологи в яркие диалоги.

Серо-голубые глаза смотрели на меня строго и внимательно, немного устало. Я мечтала стать сотрудником полиции, как отец, но мама сильно переживала, что меня непременно ждёт такая же смерть от рук бандитов. Убедить её оказалось невозможно, но я хотя бы отвоевала право пойти учиться на юридический факультет. А там... Кто знает, возможно и в полицию пойду, ведь у мамы всё в порядке, личная жизнь вполне сложилась, может быть смягчится по отношению к моему выбору.

Три года тому назад моя мама уехала в Америку, где обрела долгожданную любовь и почти идеальную жизнь в уютном доме на побережье океана. С тех пор она считала нужным хотя бы раз в неделю устраивать встряску моему психическому здоровью, небрежно водя смычком уговоров по моим визжащим нервам.

«Аурика, доченька, что ты засела в этой Москве старой девой? Объясни, что тебя там держит? Каторжная работа в баре, где тебя никто не ценит? Одиночество среди книг? Приезжай, оформим тебе семейную визу, а потом грин-кард. Помнишь, к нам приезжал друг Мика, Виктор с сыном Дэвидом? Парень постоянно спрашивает о тебе...»

Мик Коул – мамин муж, всегда потный, в очках с толстыми стеклами, сквозь которые радостно светились маленькие свинячьи глазки; с сальными боками, колоритно нависающими над шортами. Если это и есть американский идеал мужа, закопайте меня живьём! Для меня так и осталось загадкой, что мама нашла в нём. Я была в гостях у них несколько месяцев тому назад. И... Мне даже понравилось поначалу. Аккуратный домик недалеко от побережья, солнечные пляжи, воздух, буквально пропитанный беззаботностью и счастьем.

Через неделю мне всё надоело: слащавые гримасы окружающих, фальшивая заинтересованность моей жизнью. Вездесущее «хау ар ю ту дей», сладкой патокой прилипающее к небу. Очень дружелюбные улыбки и пустые взгляды, повергающие иногда в непонятное состояние, близкое к панике, как будто я оказалась среди чужаков на другой планете.

Моя мама была счастлива в этой другой инопланетной жизни, а почему же мне через неделю стало так тошно? «Ты издеваешься, Лазарева Аурика Андреевна?» – спрашивала я себя. Не нравится наигранное дружелюбие, бесит показное радушие? А восхищает окружающая тебя серость, некоторые посетители, дай бог, если просто быдловатые, а то ведь и откровенное хамло? Нравится пахнуть изо дня в день на дядю, не имея никакой великой и пафосной цели, проживая бесконечно мутный день сурка?

Я не смогла найти ответа на эти вопросы. Точнее, не захотела. Проще было задёрнуть глаза шторками век и пробубнить изумлённо вытарашившейся матери: «Мам, не моё это. Домой хочу. В Россию.»

Я долго не могла признаться в этом даже себе. А именно – в своих чувствах к Генке, моему соседу по лестничной клетке, который пять лет тому назад купил квартиру в нашем доме и поселился не только на нашей площадке, но и в моём сердце...

Да, я влюбилась в этого странного парня, который был старше меня на шесть лет. Он был когда-то женат, сам рассказал об этом. Детей у них не было, и это обстоятельство странным образом обнадёживало меня. Если когда-нибудь мы будем вместе... Дальше мечтать я страшилась, сознание пряталось, торопливо задёргивая плотную занавеску обыденности и занятости.

Никакой белозубый Дэвид, стоящий у бассейна, и поигрывающий в солнечных лучах рельефами подкачанных мышц, не мог заменить мне усталую улыбку вечно небритого бледного Генкиного лица.

Я старалась не думать о Гене, но, когда бывала дома, особенно вечерами, часто подходила к входной двери, вслушивалась в напряжённую тишину подъезда, ожидая звука подъехавшего лифта, знакомых шагов, открывающейся с характерным скрипом двери соседской квартиры. Сторала от стыда, представляя, что сейчас он застучает меня, но продолжала ждать. Не всегда, но очень часто.

А Гена? Он относился ко мне с той искренней дружеской теплотой, которая исключает проявление каких-либо других, более глубоких, чувств. Мне представлялось именно так. Лишь однажды наши руки соприкоснулись, когда Гена протягивал мне очередную книгу, которыми мы постоянно обменивались. Я почувствовала, как пролетела по венам горячая искра, зажигая щёки жарким румянцем, а он... Даже не заметил.

Таков уж он был, Геннадий Журбин, весь в своей журналистской работе, в чтении всевозможной литературы. Мне казалось, развод причинил ему очень большую боль, и он не был готов к отношениям. Всё это были только мои мысли и умозаключения: как-то не принято у нас было копаться в мозгах друг друга, не считая размышлений и споров о книгах.

Когда-нибудь я решусь и признаюсь в своих чувствах, размышляла я, выгружая на стол толстенные, радующие душу запахом свежей краски, томики. На этот раз я накупила классиков: Гоголя, Куприна, Достоевского. Что-то было уже прочитано давным-давно, что-то ещё маячило в желаниях, но набрала я именно того, чего сейчас просило сердце.

Переделав все домашние дела, я с лёгкой душой уселась за чтение «Преступления и наказания», читанного мной ещё в школьные годы. Мелькали перед глазами ровные строчки, метались мысли Раскольникова... В тот момент, когда студент достал из-под пальто топор – в мою дверь позвонили.

Я поморгала, возвращаясь в реальный мир из глубокого омута и ринулась в прихожую. Даже не посмотрев в глазок, распахнула дверь, едва сдерживая радость. На пороге стоял Генка с книгой в руке. Меня немного удивило напряжённое выражение его бледного лица, впрочем, тут же осветившееся милой улыбкой.

– Аурика, привет ещё раз, – он протянул мне увесистый томик, – как обещал. Это новый японский писатель. Я сам только начал. Не дочитал, хочу посмотреть, как тебе понравится. Да и некогда пока. Можешь взять на пару дней, потом обязательно поделись впечатлениями.

Я взглянула на обложку книги и состроила гримасу, увидев живописно нарисованные отрубленные конечности.

– Ужасик, что ли? Ты же знаешь, я не очень люблю, – начала я, но Генка перебил:

– Узнаешь! Только смотри, прочитай обязательно! – настойчиво и как-то тревожно попросил он, возбуждённо блестя глазами. Потом посмотрел на раскрытый том Достоевского, улыбнулся, – наш Фёдор Михайлович неплохие психологические триллеры выдавал.

– Хорошо, – покорно ответила я. – Ты сегодня на себя непохож.

– Ерунда. Не обращай внимания. На работе проблемы, – Журбин устало потёр лицо руками, – пойду я, устал.

– Ну ладно. Может быть, завтра увидимся, – кивнула я, кладя томик на столик и с сожалением думая о том, что даже поболтать не получилось. Всё-таки сегодня он был какой-то взъерошенный.

Я уже собиралась закрывать дверь, когда Журбин резко остановился и посмотрел на меня.

– Аурика, я давно хотел тебя позвать... Завтра вряд ли получится, а вот на следующий твой выходной, то есть через три дня давай сходим в кино? Я, правильно подсчитал твои рабочие дни? – обеспокоенно спросил он, видимо потому, что лицо моё перекошилось от изумления и радости. Я смогла только кивнуть.

– Отлично! – широкая улыбка появилась на его губах. – Договорились. После-после-послезавтра у нас с тобой будет свидание!

Щёлкая головкой замка, я поняла, что так и не проронила ни единого слова после удивительного предложения Гены. Мы пойдём в кино! У нас будет свидание! Неужели это правда?! Я поскакала в комнату, подпрыгивая, как маленькая девочка.

Закружилась по комнате, схватив ужастик, который дал Генка, напевая на манер мотива арии Мистера Икс:

– Всегда быть рядом – судьба моя!

Отложив в сторону Достоевского, решила почитать японца. Юкио Сёкуре – прочитала я имя. Название «Положите голову отдельно» было довольно говорящим, но я решила не заморачиваться и открыла титульную страницу. Прямо передо мной лежала книжная закладка. Плоская, из плотного пластика, она изображала зелёный фон, лужайку, как я поняла и на самом верху – черный домик с белым оконцем и миниатюрной дверью. Заканчивалась эта красота крышей домика, которая должна была торчать над страницами, но видимо по Генкиной забывчивости, оказалась глубоко внутри, поэтому я её и не заметила.

Крыша домика-закладки оказалась довольно объёмной, неудобной, к тому же я привыкла пользоваться своей – обычной пластиковой, без всяких выкрутасов. Пожав плечами, я отложила книжный аксессуар в сторону. Надо будет отдать Журбину, когда он придёт за книгой. За книгой и...

У нас будет свидание!!!

Переодевшись в уютную старенькую пижаму, я съела большой кусок булки с маком, запивая молоком. Мама всегда говорит, что молоко взрослым людям вредно, а мне нравится. В таких случаях я радовалась, что мамы нет рядом. Хотя, скучала всё-таки больше.

Пройдя в спальню, расправила кровать, бывшую раньше маминой, а теперь по праву перешедшую мне. Легла на одеяло и погрузилась в чтение книги. Немного удивило, что в некоторых местах были помарки простым карандашом. Видимо, Журбин подсознательно сделал их. Хорошо, хоть не шариковой ручкой. Страшно не люблю, когда уродуют книги. Вроде бы Гена раньше тоже в таком замечен не был.

Впрочем, книга оказалась на удивление, очень интересным психологическим триллером и я перестала обращать внимание на карандашные штрихи. Как разрозненные кусочки мозаики, я складывала намёки автора в единую картину, азартно стараясь не запутаться в хитросплетениях сюжетных спиралей. Очнулась лишь когда закрыла последнюю страницу.

На табло электронных часов горели зелёные цифры: четыре сорок пять. Чертыхнувшись, я положила книгу на столик и с наслаждением зевнула, радуясь, что у меня есть ещё один выходной. Чувствуя удовлетворение от исполненного дела и радость от чтения хорошей книги, я натянула одеяло и щёлкнула выключателем настенной лампы.

Глава 2

Второй выходной пролетел под знаком любовных мук. После ночных чтений, я проснулась поздно. Долго смотрела в потолок, вспоминая каждый миг вчерашней короткой встречи и сердце снова наполнялось восторгом. После двух моих рабочих дней, у нас будет самое настоящее свидание!

Я представила, как мы с Геной сидим на последнем ряду, как он сжимает мою руку, а потом прикасается своими губами к моим. На этом месте я оборвала приятные мечты и заставила себя подняться. Кинула в стирку грязные вещи, мысленно расписывая план на предстоящий день. Особых дел не предвиделось, поэтому решила перечитать до конца томик Гоголя, освежить память.

Ещё запланировала на вечер новую книгу неизвестного мне писателя Айгуль Малаховой. Аннотация была многообещающей. Я предвкушала, как накроюсь пледом и погружусь в атмосферу детектива. Лето в этом году выдалось холодным и сырым, и даже сейчас, в июле люди ходили в куртках.

А ещё я надеялась, что вечером заглянет Журбин. Или я к нему зайду. Отдам книгу и закладку. Мне очень сильно хотелось увидеть его милое лицо, перехватить усталую улыбку... Повинуясь своим желаниям, я то и дело подходила к двери, привычно прислушивалась к звукам в коридоре. Гены не было видно и слышно.

Ближе к вечеру я стала подходить к своему наблюдательному пункту чаще. Постепенно мной овладело раздражение. Интересно, где Журбин таскается весь день? Воображение тут же услужливо нарисовало миловидную блондинку с пухлыми губами и пятым размером груди – именно так должна была выглядеть моя соперница. Кожа на лице загорелась от злости. А вдруг, и правда сосед весело проводит свой день с какой-нибудь девицей?!

Так, угомонись, осадил я свою чересчур ретивую фантазию. Вы с Журбиным даже не начали ещё встречаться, а ты уже готова запереть парня дома под бдительным надзором. Так не пойдёт. Надо научиться подавлять чувство собственности и ревность, иначе Гена сбежит.

Вздыхнув, я включила в прихожей свет и посмотрела на свое отражение в большом зеркале. Вот уж точно не миловидная блондинка. Высокая, худая, я никогда не воспринимала эти черты, как достоинства, постоянно невольно сутулилась от смущения. Всё дело в какой-то угловатости, нескладности фигуры. Грудь первого размера дополняла длинный список моих комплексов.

В моём облике существовали две вещи, которыми я небезосновательно гордилась: нежная кожа и густые каштановые волосы. В остальном, внешность у меня самая заурядная: небольшие серые глаза, нос, который мог бы быть покороче, тонкие губы. Неужели я могу вызвать у кого-либо желание, страсть? Мало того, что я обладала обычной внешностью, так ещё прибавлялся мой характер.

В основном, я всегда была довольно покладистой и успешно контактировала со своим окружением, но иногда в моей душе словно приоткрывалась дверца, из которой (эхей, всем привет, я здесь и сейчас натворю дел!) выскакивал маленький вертлявый чёртик и начинал делать всё наперекор. Он спорил, злился, хамил, отстаивал свои права – словом, действовал крайне неосмотрительно. Понятное дело, вместе с ним также вела себя я.

Этот неприятный мелкий паразит выскакивал редко, но, что называется «очень метко» – в самый неподходящий момент и остановить его не было никакой возможности. Однажды дорвавшись до власти надо мной, он бедокурил от души. Про чёртика из табакерки – всего лишь шутка, но факт оставался фактом – иногда на меня нападало редкостное упрямство и Гена прекрасно знал об этом моём недостатке.

Я вновь ощутила мощный прилив неуверенности в себе. А что, если Журбин решил просто посмеяться над соседкой, хронически больной чтением книг?

Так с ума можно сойти, мысленно остерегла я себя, отворачиваясь от зеркала и щелкая выключателем. Собиралась уйти в комнату, когда услышала звук открывающихся дверей лифта и торопливых шагов вкупе с бряцаньем ключей. Наручные часы показывали без пяти одиннадцать, и я решила, что заходить в такое время не стоит, даже если считаешь соседа практически своим парнем. Почистив зубы, я взяла под мышку новую книгу и отправилась в постель, твердо пообещав себе, что прочитаю только двадцать страниц, потому что утром надо бежать на работу.

Погружаясь в чтение, я с обидой подумала, что за весь день Журбин мог бы и позвонить хотя бы раз, узнать, как дела, раз уж решил ухаживать за мной. Тяжело вздохнула. Непросто мне с ним будет.

...Очнувшись, посмотрела на часы и пришла в ужас, в который раз зарекаясь не читать перед сном. Светящиеся цифры показывали половину третьего ночи. Отложив на тумбу книгу, щёлкнула выключателем лампы и торопливо нырнула под одеяло.

Утром, хмурая и не выспавшаяся, такая же пасмурная, как погода на улице я прибежала в бар.

– Привет! – пробегая мимо Лейлы, кивнула я.

Народу было немного. Непогода разогнала большинство клиентов, хотя, по логике их должно было прибавиться. Но в отношении бара «Жёлтый крокодил» трезвомыслие редко работало.

Почему-то весь день я не могла избавиться от тягучего тревожного предчувствия. Я сама не могла понять, что так гнетёт меня, но едва заметный запах беды, похожий на свежесть озона, беспокоил всё больше. Я давно обратила внимание: перед тем, как у меня случалась какая-нибудь неприятность, в моём воображении всегда появлялся этот яркий предупреждающий аромат.

Я металась по бару, иногда подходила к окну и надолго застывала, бездумно глядя на морозящий дождь. Ни будничная болтовня Макса, который пришёл, как обычно к двум часам, ни неуклюжие, но всегда добрые шутки Ибрагима – не могли привести меня в хорошее расположение духа.

Возвращаясь домой вечером, обеспокоенно посмотрела на окна Гены. Оба они были ярко освещены. Решив, что виной всему моя излишняя впечатлительность, я не стала беспокоить соседа.

Уснула, едва коснувшись головой подушки. Выматывающее душу предчувствие утомило едва ли не сильнее самой работы.

...Я проснулась под утро от женского крика, который раздался далеко внизу на улице. Балконная дверь была чуть приоткрыта и звуки снаружи проникали без препятствий. Сквозь сон я слышала истеричные крики, кажется, кто-то рыдал. С трудом разлепив веки, я недовольно скосила глаза на часы. Было пять утра. Снова спокойно поспать не получилось, с нарастающим раздражением думала я, поднимаясь с кровати.

Подойдя к балкону, открыла дверь и вышла наружу, зябко поёживаясь от холода. Внизу, в пасмурном полумраке металась две фигурки в ярких дворничьих жилетках. Высунувшись в открытое окно балконного остекления, я пристально вгляделась в сумрак и вскрикнула, едва не потеряв равновесие.

Под окнами, лицом вниз лежало распростёртое тело. В той же одежде: толстовке и джинсах, в которых я видела его два дня тому назад, на газоне лежал Журбин Гена. Кажется, меня едва не увлекло вслед за ним, лишь чудом получилось удержаться на ногах. Не соображая толком, что делаю, я понеслась на улицу, как была: в пижаме и тапочках. Хаос, поднявшийся изнутри, вынес меня в подъезд подобно урагану. Я забыла про лифт и побежала вниз по лест-

нице. Велюровые тапочки слетали с ног, словно ожив, своевольно прыгали в стороны. Я подхватывала их, надевала и мчалась дальше, перепрыгивая через несколько ступеней, рискуя сломать себе если не шею, то конечность. В голове билась одна мысль: «Он жив!»

Когда подбежала к телу, столкнулась с дворником-таджиком. Глаза у него были безумные, наверное, такие же были у меня.

– Нельзя! Нельзя туда! – повторял он, оттесняя меня от тела. – Полиция ждёт!

– Пусти! – я вырвалась из цепких рук и опустилась на колени рядом с телом.

Слабая надежда, что это окажется не Гена, тут же испарилась. Это был мой сосед и несостоявшийся бойфренд Журбин. Его лицо, повернутое в сторону под неестественным углом, было заострено, открытые глаза безразлично смотрели в пространство. На губах запеклась кровь.

Я почувствовала, как меня оттаскивают в сторону крепкие руки.

– Нельзя! – вновь увидела перед собой хмурое лицо дворника и горящие страхом глаза.

Кивнула, бессильно опускаясь прямо на траву. Мне хотелось закричать во весь голос, и может быть, так и надо было сделать, но мучительный вопль застрял в глубине горла противным комом. Время разделилось на до и после – на сияющий вечер, когда Гена позвал меня на свидание и после – на серый рассвет с лежащим на земле телом любимого. Жизнь раскололась на две половинки зеркала: ту, в которой было гладко и спокойно и ту, где поверхность была испещрена трещинами, где всюду сыпалось крошево безнадёжности, где не было больше красивых отражений.

Подъехали машины "неотложки" и полиции. Через некоторое время Гену упаковали в чёрный мешок и увезли. Ко мне подошёл мужчина в коричневой кожаной куртке, показал удостоверение и представился:

– Капитан Глущенко Сергей Валерьевич. Вы знали погибшего?

– Да. Это мой, – я запнулась, но тут же продолжила, – сосед Журбин Геннадий Фёдорович.

– Сосед? – Глущенко недоверчиво взглянул в мои глаза. Его лицо красноречиво говорило о том, что, увидев в окно разбившегося соседа, люди не выбегают на улицу в таком виде.

– Да, сосед, – твердо произнесла я, – мы общались, книгами обменивались. Я услышала под утро крик во дворе, выглянула, а там – Гена лежит. Не заметила, как выскочила на улицу.

Знобило всё сильнее, холод забирался под просторную пижаму, щекотал тонкими пальцами покрытую мурашками кожу.

– Адрес подскажете? – быстро спросил Глущенко. – Он один жил?

Я ответила. Несколько человек отправились к Журбину домой, а капитан всё задавал вопросы. Моё сознание разделилось надвое. Одна половина погрузилась во мрак отчаяния, рыдала и завывала. Другая – хладнокровно, почти равнодушно отмечала все события, происходящие вокруг. Я не проронила и слезинки в реальности, но мной владело одно желание. Поскорее вернуться домой, уткнуться лицом в подушку и долго плакать, пока сон не накроет мягким одеялом покоя.

А потом проснуться и обнаружить, что это был обычный кошмар. Услышать звонок в дверь, побежать в прихожую и увидеть на пороге Журбина, его бледное лицо и усталую улыбку. Это ведь мне только снится, убежала я себя, стараясь не смотреть на то место, где только что лежало распростертое тело Гены. А дотошный капитан всё задавал бесконечные вопросы. Наконец, меня отпустили домой.

Поднявшись на лифте, я увидела приоткрытую дверь в квартиру Журбина, суетящихся внутри людей, что-то негромко обсуждающих. Сердце сжалось в маленький трепыхающийся комочек, в подбитого воробья, бьющегося в агонии. Войдя к себе, я упала на развороченную постель и завывала, уткнувшись в подушку так плотно, что нечем стало дышать. Он стоял перед глазами, такой, каким я запомнила его в последний раз.

– Аурика, я давно хотел тебя позвать... – я увидела в глазах Гены именно то, что много лет пыталась разглядеть.

Любовь и нежность. А может быть, это была дружеская симпатия?

Я вздрогнула, как от сильного толчка и проснулась. Телефон надрывался, выдавая рулады популярной музыки, поставленной на звонок. Рванувшись к гаджету, мимоходом успела подумать, что даже не услышала будильник.

Это оказался Максим, начальник, напарник и подчинённый в одном лице.

– Аурика, привет! Пропала, что ли? Мне Лейла позвонила, говорит, тебя ещё нет, – с тревогой спросил он.

– Я не... – голос был хриплый, низкий, как будто я говорила из пустой бочки. Откашлявшись, с трудом произнесла, слова выдавливались из меня, как засохшая паста из тюбика: – Макс, привет. Не смогу сегодня выйти на работу. И завтра тоже.

– Блин. Заболела? – ахнул он.

– Нет, – я замотала головой, как будто Максим мог меня увидеть, – я приду, может быть завтра, может, послезавтра, заявление напишу. Я увольняюсь.

– Да чё случилось-то, объясни! – потрясённый напарник попытался расспросить о произошедшем, но я не могла больше говорить.

Воспоминание о теле Гены, неподвижно лежащем на газоне, накатило с такой силой, что горло сдавило спазмом. Я нажала на кнопку завершения разговора и встала с постели.

Пошатываясь, как пьяная, направилась на кухню. Механическим движением поставила чайник на плиту. Вздрогнула, вновь услышав мелодию звонка. Где-то в глубине души всё ещё таилась надежда, что утренний ужас был всего лишь моим кошмарным сном, и я рванулась в комнату так, что с ходу ударилась плечом о косяк.

Звонила мама и, как всегда, вовремя. Я добрую сотню раз скидывала ей график своей работы, но она всё равно звонила тогда, когда ей было удобно. Учитывая, что мамуля в Америке относилась к гильдии домохозяек, свободного времени у неё было – несколько вагонов.

– Мама, – тихо сказала я, переборов желание не отвечать.

– Аурика! – заверещала трубка и я невольно отставила руку с телефоном подальше от уха. – Ты почему не отвечаешь?! Я тебе по видеосвязи два дня звоню! Не могу дозвониться! Специально решила перед работой тебя поймать! Даже спать не ложусь, хотя у нас уже ночь!

– Мама! – перекрикивая её, заорала я, – Гена погиб!

В трубке воцарилась тишина. Потом, тоном ниже, мама уточнила:

– Гена? Журбин? Наш сосед?

– Да, мама, – я всхлипнула, по щекам покатались горячие слёзы, – он лежал утром внизу, под балконом. Я слышала, как говорили, что это, вероятно, самоубийство. Но он не мог, я точно знаю...

– Успокойся, доченька. Я понимаю, вы были друзьями. Ох, не зря уже третий день места себе не нахожу. Сердце чуяло: с тобой что-то произошло, – расстроено проговорила мама.

– Да не со мной, мама! – раздражённо выпалила я, – Гена погиб!

– Нет, материнское сердце не обманешь. Я очень за тебя беспокоюсь, – серьёзно заявила она, – береги себя. Будь бдительна и осторожна. Мне кажется, тебе угрожает опасность.

Глава 3

Я подошла к большой фотографии в чёрной рамке. У мамы совсем не осталось снимков отца, кроме этого. Такое же изображение было и на памятнике. Когда я спрашивала, почему нет фотографий, где они изображены вдвоём, мама объясняла, что они совсем мало были вместе. Просто не успели. Это всегда удручало. Хотелось взять фотоальбом и увидеть лица родителей, запечатленных в мгновении счастья. Сейчас совсем не в моде альбомы для фотографий, а ведь это память, которая хранится в бумаге. Так я размышляла, бережно обмахивая фото от пыли.

Папа. Самый родной и одновременно незнакомый человек. Я родилась, когда после его гибели прошло несколько месяцев. Мама говорила, что он даже не знал обо мне, иначе бы они сразу поженились. Отец был полицейским и погиб при задержании банды, коих в девяностые было, как рыбы в море. Он навсегда остался двадцатидюлетним юнцом, как на фото, так и в моем сердце.

Всегда, когда я не могла принять важное решение или считала, что поступаю неправильно – я обращалась за советом к отцу. Очень сильно, на всю жизнь запомнилась история, произошедшая со мной и одноклассниками в шестом классе.

Не скажу, что в школе я ходила в лидерах. Скорее, наоборот. Мы с подругой Жанной Киреевой всегда были сами по себе, в жизни класса участвовали, но крайне поверхностно, на переменах, да и некоторых уроках мы не расставались.

В пятом классе по истории мы изучали разделение на касты в Индии и это почему-то произвело на меня сильное впечатление. Я невольно стала переносить полученные знания в свою жизнь, сравнивая классный быт с системой иерархии в Индии. Возможно, это произошло потому, что в нашем классе уже тогда пошло некое разделение. К тому же, очень большую роль сыграл подростковый максимализм. Я стала невольно сопоставлять одноклассников с индийскими кастами. Брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Только в Индии разделение по профессиям и наследственности, а у нас в классе шло по степени крутости.

Перед моим мысленным взором неотступно вставала таблица каст, раскрашенная в веселенькие цвета. Мне виделись за ними миллионы измождённых лиц и потухших глаз, сотни тысяч чуть более довольных, десятки тысяч – сытых и ухмыляющихся, даже если цифры были весьма относительными.

А ещё за цветными полосками мне виделись лица одноклассников. К высшей касте брахманов у нас без всякого сомнения относилась лидер, Юлиана Крестовицкая. Она была такой, как и положено быть самой лучшей девочке в классе: со звучным именем и фамилией, недосыгаемо красивой, с округляющимися женственными формами, милым кукольным личиком, высокомерным взглядом и потрясающими шмотками, потому что родители у неё, как водится, тоже были брахманами. Иногда в моем воображении Крестовицкая представляла в богато украшенном сари, с родинкой между глаз. Перед ней ниц лежали несколько человек, а Юлиана взмахом руки решала, кому жить, а кому умирать.

К кшатриям относились четверо приближенных человек из её свиты, которые, вероятно, считали себя невероятным везунчиками, ибо особа благородных кровей сочла нужным приблизить именно их. Они охотно поддерживали любое начинание предводительницы.

К вайшьи относилась остальная большая половина класса и мы с Жанной в том числе. До поры до времени я воспринимала это разделение, которое всё чётче стало вырисовываться в дальнейшем – с мрачным юмором. Что ж, пусть и не привилегированная каста, но всё-таки не неприкасаемые, которых у нас, по моему мнению – не было.

До тех пор, пока в нашем классе не появилась она. Неприкасаемая. То есть, это я мысленно прилепила ей такой эпитет после некоторых событий. Итак, в шестом классе к нам пришла новенькая.

Маленькая, с копной рыжих непослушных волос, с лицом, густо усыпанным веснушками и робкой улыбкой – Смирнова Тася (так звали девочку) – мне сразу понравилась. Скромная и мягкая. Я бы охотно приняла её в наш с Жанной тандем, но неожиданно подруга воспротивилась.

– Зачем нам кто-то ещё? Разве нам неинтересно вдвоём? – насупилась она и я прихлопнула рот.

Тася была из многодетной семьи, одевалась чисто, но бедно: застиранные и заношенные вещи были для неё обычным явлением. Особа благородных кровей Юлиана обыкновенно относилась к новеньким (да и ко всему классу) со снисходительным презрением, но почему-то именно на Тасе привычная система дала сбой. То ли по причине взыгравших в Крестовицкой гормонов, то ли, потому что Меркурий вошёл в ретроградное движение – так или иначе Юлиана стала очень резко иронизировать над Тасей.

Начиналось всё невинно, в шутку, но вскоре Крестовицкая распробовала новое блюдо и вошла во вкус. С каждым днем, она становилась все более изощрённой, шутливые насмешки переросли в злобные комментарии и издевки. В довершение ко всему, Коестовицкая решила придумать Тасе кличку и не нашла ничего лучше, чем просто назвать её жертвой.

– Эй, Жертва, иди сюда, – не терпящим отказа тоном, говорила она.

Тася бросала всё и покорно отправлялась к своей мучительнице.

– Что-то ты бледненькая, – разглядывая девочку, озабоченно заявляла Юлиана, – надо бы тебя подрумянить.

Достав из своей сумки помаду, она рисовала на щеках Таси круги, раскрашивала их, давась от смеха, а потом, под громкий хохот своей свиты, отправляла несчастную на место.

– Не вздумай стереть! – грозилась изящным пальцем Крестовицкая. – Если только препод заставит.

Учительница, конечно, не могла пройти мимо такого безобразия на её уроке и выгоняла Тасю в уборную, смывать с лица художества. На следующий день брахман Крестовицкая придумывала новую шутку под улюлюканье и хохот окружающей её свиты.

Нет, это не значило, что над Тасей потешался весь класс. Основная масса, в том числе и мы с Жанной предпочитали не обращать внимания, делая вид, что заняты своими делами. Я молчала, потому что не хотела выступать. Никто же не выделялся, а я что? Такая же, как и все.

Где-то в глубине сознания пряталась мысль. Пряталась от гнусного, маленького страха, который временами овладевал мной, позволяя оправдывать в своих глазах ту гадость, что я наблюдала краем глаза. Думаю, у многих в классе возникало такое рассуждение. Тщательно загнанная в захлапленные закоулки мозга, так, чтобы и набрести на неё нечаянно нельзя было, мысль эта иногда все же всплывала на поверхность. Если я осмелюсь заступиться за изгоя, вдруг сама окажусь в касте неприкасаемых?

Были ли учителя в курсе? Я не знала. Как-то не принято было в нашем классе обращаться с жалобой к учителям. Возможно, что напрасно. Родители Таси, точнее, её мама, воспитывающая пятерых детей – не имела времени, а может быть, желания на то, чтобы обращать внимание на Тасины проблемы и девочка осталась один на один со своей бедой в виде ухмыляющейся Крестовицкой.

– Ты оглохла, что ли? – теребила меня Жанка.

– Что? – я с трудом слотнула тягучую слюну.

– Да ты спишь что ли? – разозлилась подруга. – Я говорю, пойдёшь в коридор?

– Нет, – я пыталась придумать, как помочь Тасе. Горло сдавливала жалость.

Во рту совсем пересохло. Чувство вины терзало меня остаток учебного дня, не отпускало, когда мы возвращались с Жанной из школы. Подруга, видя, что я нахожусь в непонятной прострации, вскоре перестала докучать разговорами, вышагивая рядом молчаливой тенью.

Попрощавшись с ней, я отправилась домой. Но и в собственной квартире не было покоя. Тасины глаза, полные слез маячили перед внутренним взором. Остановившись возле портрета отца, я тихо проговорила:

– Папа... Крестовицкая и её дружки совсем обнаглели.

И – замерла, всматриваясь в до боли знакомые черты. Серые глаза смотрели на меня требовательно, с затаенным гневом.

– Дочь, – услышала я голос отца, синтезированный моим воображением, – скажи, пожалуйста, неужели я учил тебя этому?

Я отрицательно помотала головой, ощущая, как жарким огнём начинают полыхать щеки.

– На твоих глазах эта... Издевается над девочкой. А ты смотришь и делаешь вид, что ничего не замечаешь! Разве моя дочь стала бы так поступать?! – нотки гнева в отцовском голосе беспощадно буравили мой мозг.

– Я не... Что я могу сделать? Перевоспитать Крестовицкую? Мне кажется, это нереально. К тому же, эта свора тогда накинется на меня? – выдавила я из себя. Вопрос был вполне актуальный.

– Перевоспитать её ты, конечно, не сможешь, – смягчился отец, – но показать, что не все её боятся – надо. Иначе она уверует в то, что окружающие – трусливы, а значит можно творить всё, что заблагорассудится. Безнаказанность порождает новое преступление.

А то, что накинутся на тебя... Я думаю, они не решатся. И вообще, на самом деле, они очень трусливы и нападать способны лишь толпой. Я даже не хочу пачкать образ животных, охотящихся стаей, сравнивая их с подобными отморозками. Потому что любые хищники охотятся для того, чтобы удовлетворить свой голод, и лишь человек – чтобы потешить свое самолюбие.

– Да? – издали, словно пробиваясь сквозь густое марево, постепенно обретая чёткие черты, во мне все больше появлялось понимание папиных слов.

– Да... Не бойся их. Я постараюсь тебе помочь... – голос отца отдалялся, таял, пока не превратился в шелест листьев за окном.

– Да, – тряхнув головой, решительно проговорила я, – надо бороться.

Конечно, никакого голоса не было и диалог был всего лишь выдуман мной, но почему-то этот факт несколько не избавил меня от чувства стыда и вины, испытанного в начале и решимости заступиться за Тасю – в конце.

Странное дело, но после принятия решения, в моей душе воцарилось слоновье спокойствие. Страх перед голодной сворой исчез, уступив место уверенности. А самое главное – меня наконец перестал терзать жгучий стыд за свое молчаливое потворство.

В эту ночь я спала на удивление хорошо и проснулась утром бодрой. Собираясь в школу, вспомнила о том, что мне предстоит сделать. Настроение стремительно поползло книзу. В ванной комнате я открыла рот и высунула язык, пытаюсь разглядеть гланды в слабой надежде, что они окажутся красными. Увы, мои чаяния не оправдались. Тем не менее, в школу идти совсем не хотелось, и я решила изобразить приступ отравления-непонятно-чем, но в очередной раз не учла, что мама у меня – медик.

Быстро осмотрев меня, она кивнула головой со словами: «Вижу, вижу, но ничего страшного!» дала мне ложку геля от отравлений и без лишних разговоров выпроводила в школу. От такой несправедливости, я хотела было возмутиться, но наткнулась на взгляд отца, в котором прочитала грустный укор.

После этого я молча отправилась в школу. Нет, я шла не на уроки, а на плаху, на эшафот, на дыбу – такое у меня было ощущение. Вчерашнее спокойствие испарилось и теперь меня терзала тревога. Но! Отказаться от своих намерений и менять принятое решение я не собиралась, несмотря ни на что.

После первого урока началось.

– Жертва, эй, иди сюда! – приказала ничего не подозревающая Крестовицкая.

Тася встала с места, сутулясь, как будто придавленная тяжким грузом, двинулась к своей мучительнице. Я тоже встала, перехватив удивлённый взгляд Жанны, подошла следом, остановилась за спиной Смирновой. Она оглянулась на меня затравленным взглядом, от которого заныло под ложечкой и захотелось со всего маху ударить сумкой по наглой ухмылке Юлианы.

Нет, я не стала этого делать.

– Тебе чего, Лазарева? – нахмурилась Крестовицкая. Взгляд её зелёных глаз беспокойно заметались, но она не могла допустить мысли, что грядут перемены.

– Послушай, Крестовицкая, – в тон ей ответила я, – оставь в покое Тасю.

Лицо Юлианы удивлённо вытянулось, рот приоткрылся. Я отстранённо подумала, что сейчас она похожа не на куклу, а на диковинную рыбу. Ещё у меня успела мелькнуть мысль о предстоящем кошмаре, который начнётся для меня.

– Сейчас не поняла... Лазарева, ты температуришь, что ли? – Крестовицкая наконец взяла себя в руки и состроила насмешливую гримасу.

– Больше ты её не тронешь, – отчётливо проговорила я, – не будешь унижать и извинишься.

В классе вдруг повисло безмолвие. Я много читала раньше про разные определения тишины: напряжённой, безмятежной, тревожной, торжественной. Впервые в жизни я отчётливо осознала, что вокруг меня опустилась звенящая тишина. В какой-то момент показалось, что тонко задрезжало у меня в ушах, но нет, это было именно состояние окружающей меня среды.

– Лазарева, куда ты лезешь? Тебе больше всех надо?! – красивое личико Крестовицкой исказилось, обрело безобразные черты, смутно напомнившие демона из фильма ужасов.

Я ожидала гомона голосов её свиты, но все почему-то молчали.

– Крестовицкая, а ну кончай из себя королеву корчить! – внезапно с другого конца класса раздался ломкий мальчишечий голос, от которого непроизвольно вздрогнули и я, и Юлиана, и даже Тася. – Оставь девчонок в покое!

Кричал Ерохин Сашка, который мне всегда нравился: высокий, сильный, с добрым лицом, но тоже предпочитавший «не выступать» и находиться в сторонке. Вновь повисла осязаемая тишина. Потом, за своей спиной я услышала звуки отодвигаемых стульев, шаги. Крестовицкая почему-то молчала и вновь, в который раз за последние несколько минут, преобразилась. Она смотрела мне за спину и на её лице постепенно распускалась улыбка, как мне показалось, презрительная и одновременно жалкая.

Помедлив, я оглянулась. За мной стояла Жанна с очень суровым лицом, Ерохин Сашка и ещё человек пять-шесть мальчиков и девочек, все с такими видом, что меня пробрала дрожь. Юлиану, кажется, тоже.

– Всё, Крестовицкая, хватит. Кончилось твоё правление. – уверенно произнёс Сашка и кивнул на Смирнову: – Давай, извиняйся.

Юлиана беспомощно посмотрела на своё безмолвствующее окружение, которое в одночасье поредело: кто-то резко захотел в уборную, кто-то вспомнил, что забыл сделать домашнюю работу и сейчас низко клонился над своей партой.

– Да пошли вы, придурки! – вместо извинений, проорала побагровевшая Крестовицкая, бросила ненавидящий взгляд на свою удивительно притихшую, словно съжившуюся свиту, схватила сумку и выбежала из класса, расталкивая толпу одноклассников, растущую за моей спиной.

Я посмотрела на ребят, которых за моей спиной становилось все больше, улыбнулась:

– Всё, отбой, – и пошла к своему месту.

Юлиана так и не вернулась в этот день на уроки, а я остаток учебного процесса ловила на себе восхищенные взгляды одноклассников. Сама же чувствовала прежнюю вину перед Тасей.

Невольно попыталась вылить её на голову бедного Сашки, который имел неосторожность первым высказаться за меня. После уроков я подошла к нему и тихо спросила:

– Саш. Почему же ты не заступился за Смирнову раньше? – я возмущённо смотрела ему прямо в глаза: этакая суровая карающая Немезида.

Но Ерохин выдержал мой взгляд:

– Потому что оказался таким же слабаком, как и ты, Аурика.

Я сдулась от этой бесхитростной фразы, как воздушный шарик, напоротившийся в полете на острую ветку. Сглотнула ком, образовавшийся в горле и молча отошла, ощущая, как сгорают от стыда щеки. Тоже мне, нашлась справедливая судья! А сама-то, сама! Да что там говорить, весь класс хорош... Только всегда легче перекинуть на другого упавший на тебя комок грязи, а самому лишь смущённо отряхнуть белую шерстку: ой, чего-то я тут немного запачкался?

Я надолго запомнила этот урок. Думаю, многие из нашего класса никогда его не забудут. И как потом Юлиана, проболев почти месяц, вернулась в школу и делала вид, как будто все осталось как прежде. Но Смирнову больше не обижала, вообще, как будто перестала замечать.

Как её же «свита» после этих событий, жаждущая доказать, что едина с классом, едва не затравила саму Крестовицкую. Пришлось и мне, и Сашке вновь проявлять благородство. И хотя я считала, что Юлиана не заслуживает этого, моё решение не вставать на защиту Крестовицкой поколебал тихий разговор с Ерохиным в углу.

– Да и пусть! – беспечно сказала я тогда и взглянула прямо в глаза Сашке. – Пусть попробует на вкус своё блюдо! Заслужила!

– Зря ты так, – Сашка приблизил озабоченное лицо к моему и зашептал совсем тихо, – сейчас ты сама уподобляешься таким, как она. Это раз. А, во-вторых, у неё недавно отец ушёл из семьи к молодой. Я случайно узнал. Как думаешь, может быть, она из-за этого стала такая... Ведь раньше Юлька (он называл Юлиану именно так) такая не была! Ну да, всегда вела себя с достоинством, но ведь никогда она так не унижала никого, вспомни!

Как ни странно, фраза об ушедшем из семьи отце заставила меня взглянуть на Юлиану с другого ракурса. Это нисколько не оправдало в моих глазах выходки Крестовицкой, но заставило отнестись к ней по-человечески. К тому же, Ерохин был прав: уподобляться таким, как она – мне не хотелось.

Не скажу, что школьная жизнь после этого стала лёгкой и приятной. Всякое случалось, но травли больше, по молчаливому уговору, мы больше не допускали.

Пройдёт несколько лет, и красота Таси Смирновой распустится диковинным, радующим взгляд ярким цветком. Она начнёт встречаться с Ерохиным Сашей, вырастет спокойной и уверенной в себе девушкой. С Юлианой они будут обниматься на выпускном и Крестовицкая, утирая пьяные слезы, станет просить у Таси прощения за давнюю травлю, но славная Тася с улыбкой убедит девушку, что давным-давно забыла о прошлых обидах.

Глава 4

Мой отец – смелый, бесстрашный, стал образцом для подражания.

Именно поэтому, окончив школу, я поступила в институт на юридический факультет. Изначально я планировала пойти в школу милиции, но мама внезапно воспротивилась:

– Хочешь, как отец, погибнуть и оставить меня одну?! Даже не думай о службе в полиции! – со слезами на глазах, кричала она. – Иди на юридический факультет! Адвокатом будешь.

Напрасно я пыталась убедить родительницу, что в наше время проще погибнуть, будучи рядовым охранником в школе. Она была непреклонна. Чтобы не расстраивать маму, пришлось забыть о службе в полиции. Быть адвокатом я тоже не собиралась.

– Хочу, как отец, бороться с преступниками, а не защищать их, понимаешь ты или нет! – вспыхнула я и мама успокоилась.

Конечно, фраза была абсолютно несправедливой по отношению к адвокатам, задача коих заключается прежде всего в соблюдении закона, но во мне тогда говорил пресловутый юношеский максимализм.

– Ты можешь быть прокурором, в конце концов, можешь консультировать людей в какой-нибудь юридической фирме, вон их сколько развелось, – примирительно произнесла она.

Я согласилась, в глубине души, не теряя надежды стать настоящим борцом с преступностью. Как отец. Девичий романтизм сыграл со мной злую шутку. После окончания института, получив на руки диплом с отличием, я устроилась работать в небольшую юридическую контору. Радость от трудоустройства быстро сменилась тяжёлым разочарованием.

Потому что наша контора занималась ничем иным, как банальным обманом населения. Задача юриста здесь заключалась в том, чтобы найти «тёплого» клиента, озабоченного юридическим вопросом (неважно, уголовным, гражданским либо административным) и посадить его на крючок заинтересованности, убедив, что наша фирма сможет решить все его проблемы (даже если это было нереально сделать). А потом доить, вытягивая деньги...

Такое положение дел меня убило. Уничтожило мою веру в профессию и свою благородную мечту. Получается, я стала юристом для того, чтобы обманывать людей?! Конечно, я уволилась. Подруга Жанна, с которой в последние годы мы общались всё реже, собиралась в декретный отпуск. Она и предложила работу в баре неподалёку, где я благополучно осела на долгие пять лет.

Я была разочарована и послушно плыла по течению, равнодушно взирая на мелькающие великолепные пейзажи и недостижимые высоты обрывистых берегов. Мне не хотелось карьерного роста, движения вперёд, покорений вершин. Достаточно было спокойно работать в баре, в выходные читать книги, погружаясь в выдуманные миры и изредка общаться с Геной, в глубине души лелея надежду, что когда-нибудь мы будем вместе.

Смерть соседа, разрушенная на корню красивая мечта о любви – стала своеобразным катализатором, побуждающим изменить свою спокойную жизнь и вырваться из объятий лениво катящейся реки. Теперь мне хотелось действовать. Гена погиб не по своей воле, я была твердо убеждена в этом.

Разговоры с полицейскими и родителями соседа помогли понять, что смерть его не была несчастным случаем.

Полицейские допрашивали меня ещё раз после того кошмарного утра. Пришёл следователь, представился Валерием Павловичем Красновым и долго задавал по сути все те же вопросы, что я слышала в первый день.

– Скажите, – улучив момент, спросила я, – что-нибудь удалось выяснить? Я не верю, что Гена мог выброститься из окна. Он выглядел очень довольным жизнью...

– Ну это вы так считаете, – небрежно произнёс следователь, – вы не можете знать, что было на душе у соседа, которого едва знали. Разве нет?

Он внимательно посмотрел на меня, а я запнулась, ощущая, как рдеет кожа на лице.

– Всё равно, – упрямо сказала я, – я знала его неплохо. Не мог он выброситься с балкона.

– Ещё раз повторяю: чужая душа – потёмки. Напился человек, мысли разные в голову полезли: жены нет, работы нет, надоело всё...

– Кто напился, Гена?! – вскинулась я. – Он вообще не пил!

– Откуда вы знаете? Пустую бутылку из-под водки нашли, отпечатки на ней его и анализ крови показал наличие лошадиной дозы алкоголя в крови, – Краснов покачал головой, – вы не видели, как он пил. Но это не обозначает, что он действительно не употреблял алкоголь. Плохо, что у вас камер на входе нет. Сейчас они есть даже в захолустных домах.

– А как же дверь? – я вдруг вспомнила, как утром после трагедии в квартире Гены суетились оперативники. – Он оставил дверь открытой и пошёл прыгать с балкона? Вам не кажется это странным?

– Не кажется. Вы удивитесь, если узнаете, какие вещи вытворяют люди в алкогольном опьянении, – следователь сунул исписанную бумагу мне под нос. – Распишитесь, пожалуйста.

Ставя закорючку, я почувствовала странную бессильную ярость. Я знала, что Гена не пил, просто знала и всё. Но следователь с беспристрастием равнодушного человека пытался убедить меня, что Журбин напился и выбросился с седьмого этажа. Назначив перед этим мне свидание, про которое я не стала даже рассказывать, чтобы этот неприятный человек не вздумал залезть своими грязными лапами ещё и в наши отношения. Которых и не было по большому счёту...

Интуиция твердила, что всё случившееся слишком сильно напоминает плохо инсценированное самоубийство. Но полицию похоже вполне устраивала именно такая версия. Очень удобно: закрыл дело и никаких хлопот! Я вновь почувствовала, как сжимаются кулаки в бессилой злости. Разговор со следователем оставил лишь неприятное ощущение, как будто надо мной прилюдно посмеялись.

Потом был разговор с матерью Гены, Верой Ильиничной. Его родители приехали на следующий день после трагедии. До этого я их никогда не видела и несмотря на столь трагический повод для знакомства, мы быстро подружились, особенно с мамой. На похоронах я была всё время рядом с Верой Ильиничной. Мы поддерживали друг друга под руки и как будто сроднились в едином порыве горя. Хоронили Гену в Подмоскowie, в Балашихе, на местном кладбище.

– Здесь наши все лежат: отец мой, мама, бабушка. Да родня мужа тоже, – как будто оправдываясь, сказала женщина.

С тех пор мы часто встречались с Верой Ильиничной. Я заходила к ней в гости, мы пили чай, много разговаривали, вспоминали Гену. Оказалось, родители практически не знали своего взрослого сына:

– Гена, ведь, как поступил на журналистский факультет, так из дома ушёл. Живём мы небогато, сами видели, а Геночка всё к роскоши рвался, – говорила Генина мама, несколько дней спустя после похорон. Мы встретились на лестничной клетке (каюсь, я встречу подстроила!) и мама Гены пригласила меня на чашку чая.

Его отца дома не было, и мы, уютно устроившись на Гениной кухне, пили чай и болтали. Было видно, что этим помещением совсем не пользовались: техника и мебель выглядели совсем новенькими.

– А Геночка всё столичной жизни хотел. Поступил в университет, да и уехал в Москву. Говорил, что снимает квартиру. А потом вдруг учебу бросил, на третьем курсе, работать начал...

– Как бросил? – ошарашенно спросила я. – Он же журналистом был. Я и статьи его всегда читала в газете! Геннадия Московского! Он сказал, это его псевдоним.

– Статьи? – Вера Ильинична взглянула удивлённо, пододвигая ко мне вазочку с печеньем.
– Ну может и писал, не говорил он. А знаю только, что он работал охранником у какого-то шишки. Очень хорошо зарабатывал. Эту квартиру Геночка сам купил, без нашей помощи.

Женщина тяжело вздохнула, задумчиво помешивая ложечкой остывающий чай.

– Наш сын был очень скрытным, – после паузы произнесла она, – клещами не вытянешь. Знаю только, что в последние месяца два он собирался увольняться, ходил очень мрачный. Может быть и уволился, только нам ничего не сказал. Молчун был. Вот Катя, дочка, та, наоборот, вся нараспашку, никаких секретов, – мама оживилась и начала рассказывать про неведомую и совсем не интересную мне Катю.

– А жена у него была? – перебив Веру Ильиничну, невпопад спросила я.

– У кого, Гены? – изумилась она. – Нет! Вроде девушка была в одно время, а потом расстались. Так бобылём и жил, сколько с мужем на внуков намекали, всё зря. А ведь какая соседка хорошая рядом с ним была!

Мама Гены ласково улыбнулась, а я почувствовала, что заливаюсь краской. Мой мозг между тем продолжал свою аналитическую деятельность, как будто тело жило само по себе.

– А когда девушка была? Он уже к тому времени купил эту квартиру? – уточнила я.

– Нет, это давно было, – женщина махнула рукой.

– Полицейские говорят, что в организме Гены было большое количество алкоголя, – мягко начала я, – никогда не видела, чтобы он употреблял.

– Кто ж его знает. При нас тоже никогда не пил. А в одиночестве человек портиться начинает, тосковать. Может быть, и выпивал, – завздыхала она.

– Слушайте, я вот подумала, а что, если в ноутбуке у него какая-нибудь информация есть? – с надеждой поинтересовалась я. – Не верю я, что Гена сам спрыгнул.

– Ой, ноутбук сгорел! – огорчённо произнесла женщина. – Муж не так давно полез, а экран чёрный. Он и в сервис носил, а там сказали: сгорело что-то, не подлежит ремонту.

Ага! Я задумалась ещё глубже. Сколько совпадений! Непьющий Журбин напился, оставил дверь открытой и прыгнул с балкона, перед этим спалив ноутбук.

Не вернее ли предположить, что тот, кому Гена сильно мешал, проник в квартиру, опоил Журбина и скинул с балкона? Перед этим как-то спалив ноутбук и потом оставив дверь открытой?

Покидая квартиру Гены, я твёрдо была уверена, что упасть с седьмого этажа соседу помогли. Выходя за порог, вспомнила, что не спросила ещё кое-что:

– А у кого он работал, скажите, пожалуйста?

– Аурика, милая, вы прямо как детектив, – улыбнулась женщина, – всё вопросы задаёте, как полицейские. Вроде, Тихомиров у его начальника фамилия была. Бизнесмен какой-то шибко крутой.

– Спасибо за чай, Вера Ильинична! И называйте меня уже на «ты»! – широко улыбнувшись, я вложила в свои слова всё имеющееся обаяние.

Мы тепло попрощались, и я ушла к себе. Сев перед ноутбуком я набрала на экране фамилию «Тихомиров» и крепко задумалась. Тихомировых в Москве примерно столько же, сколько Лазаревых.

Меня терзали вопросы без ответа, намекая на предстоящую бессонную ночь. Кто такой загадочный Тихомиров? Почему Гена мне лгал о том, что работает журналистом? Кому и чем мог помешать охранник (если Журбин на самом деле работал именно им)?

Но больше всего меня глодала обида. Журбин много лет врал мне про работу, бывшую женой. Получается, он был лицемером? Есть ли вера такому человеку? Эх, Гена, Гена...

Глава 5

На улице было тепло и солнечно. Холод, который держался почти месяц и скорее напоминал осенний, отступил, и в свои законные права вступило лето. Заворачивая за угол, я оглянулась. Снова возникло неприятное ощущение, что за мной внимательно наблюдают.

Позади никого не было. Во дворе стояли машины, но людей в них не видно. Не подходить же, проверять каждую? Настроение, улучшившееся при виде ясного неба и яркого солнца, огорчённо скрипнув зубами, вновь ушло в минус. Очень бы не хотелось становиться пациентом психиатрической больницы. Но, судя по постоянному навязчивому чувству, что за мной следят, вывод напрашивался сам собой.

Я смутно была знакома с признаками психических заболеваний, но где-то вычитала, что паранойя – это мания преследования. Изучать глубже медицину совсем не хотелось. В моём нынешнем состоянии мне вообще ничего не было интересно. Настроение было безнадежно испорчено, не спасали мысли о покупке новой книги, захотелось вернуться домой, в свой уютный кокон. Ноги по инерции несли меня вперёд, в магазин, хотя сознание уже рванулось обратно в квартиру на седьмом этаже. Шла я дворами, привычной дорогой, по которой ходила много лет, но сейчас меня с бешеной силой влекла назад чья-то невидимая, но очень властная рука.

Оборвав размышления, я резко остановилась. Получилось нелепо, потому что встала я, нелепо подняв ногу над дорожным покрытием. Выехавшая из подворотни серебристая «Ниссан Альмера», взвизгнув, резко вильнула в мою сторону. Если бы не моя реакция, а скорее, неведомая сила, как будто оттолкнувшая от дороги, меня неминуемо должно было сбить с ног взбеленившейся техникой. Или водителем?

Отлетев в сторону, я больно ударилась ногой о забор, огораживающий клумбу, и упала, нелепо раскорячившись на тротуаре. Сообразила, что произошло всё в полной тишине и тогда раздался мой запоздалый вскрик. Боль разлилась по щиколотке.

– Надеюсь, не сломала, – вслух произнесла я.

Покряхтывая, поднялась. Как и следовало ожидать, бюджетная иномарка, коих немеряно бегают по столице, исчезла. Как любят говорить представители пресс-службы МВД: «скрылась в неизвестном направлении». В этот будничный полдень двор был пустым. Никто не видел, как меня только что пытались убить.

Только сейчас накатил страх, душливый, мгновенно покрывший спину липкой плёнкой пота. Прихрамывая, я торопливо и оттого ещё более нелепо заспешила обратно домой.

– Сходила за хлебушком! – пытаюсь перебороть ужас, временами окутывающий сознание, шептала я, как мантру, – дура!

Странное дело: путь, который я прошла, даже не заметив, в обратную сторону казался бесконечно длинным. Боль вспыхивала в щиколотке, отдавалась в пятку, высекая в глазах слёзы, но – я уже это поняла – перелома не было. Иначе бы вообще не смогла наступать на ногу.

Дойдя до подъезда, встретила Генину маму. Увидев меня, женщина обрадовалась:

– Здравствуй, Аурика! Пойдём к нам, чайку попьём. Ты чего хромаешь?

Улыбнувшись через силу, я хотела отказаться, но сама мысль о том, чтобы остаться сейчас в одиночестве пугала не меньше, чем осознание того, что меня только что пытались убить.

– Упала неудачно, – задрав штанину джинсов, я показала немного опухшую щиколотку. По ней расплывался сизо-красный синяк.

– Ой-ой, срочно пойдём ко мне! Буду тебя лечить! – деловито заявила женщина, заботливо взяв меня под руку. Мы вошли в подъезд, войдя в лифт, поднялись на свой этаж.

Вера Ильинична, как заправский доктор более пристально осмотрела мою ногу, осторожно ощупав её. Удовлетворенно кивнула:

– Перелома нет, скорее всего. Но, если хочешь, можем вызвать «неотложку».

От вызова «скорой помощи» я отказалась. Тем более, Генина мама очень быстро и квалифицированно наложила мне повязку с какой-то пахучей мазью и мне сразу стало легче.

– Спасибо большое, Вера Ильинична! – с благодарностью произнесла я, отхлебывая щедрый глоток ароматного чая с травами.

– Да не за что. Мама у меня старенькая была, я поздний ребенок. Сколько не просила её, но она всегда любила ходить в магазин сама. Я сама и всё тут. И в гололёд тоже. Падала, конечно. Вот я и научилась всем премудростям. А потом она так упала, что шейку бедра сломала... На том и кончились её похождения, только летом на даче выходила с палочкой, – со вздохом закончила женщина свои воспоминания.

Мы посидели ещё немного, вяло обсуждая малозначащие темы и я ушла к себе. Мне было плохо, хотелось побыть одной.

Остаток дня я бесцельно слонялась по квартире, иногда выглядывая из окон. Как будто тот, кто пытался сбить меня на машине, находился где-то рядом с домом, выжидая. Я понимала, что подобные мысли очень напоминают паранойю. Даже если происшествие было не случайностью, а запланированным нападением – вряд ли злодей сидит где-то рядом, ожидая моего появления.

Но... Ощущение, что человек, желающий мне зла, находится близко, не давало покоя, вынуждая метаться из угла в угол. Лишь к вечеру, напившись валерьянки, я включила комедию по ноутбуку и немного успокоилась. Настолько, что уснула почти сразу, едва коснувшись головой подушки.

Мне снился Журбин. Он стоял на балконе, задумчиво глядя на алеющее закатное небо. Меня охватило смутное беспокойство. Что-то было неправильное в остановившемся взгляде Гены, в его безмятежном выражении лица, даже в клубящихся облаках, подсвеченных красным.

– Ты же умер! – нелепая фраза вырвалась из меня внезапно.

Вот в чем неправильность происходящего! Журбин не может стоять рядом со мной в моей квартире, потому что его похоронили... Я сама видела его неузнаваемое, с заострившимися чертами, как будто отлитое из воска, лицо.

Гена перевёл взгляд на меня, улыбнулся грустно и светло:

– Не меня, Аурика. На самом деле, я жив.

Мгновенно вспыхнула в душе радость. Конечно, Гена жив, а похоронили кого-то другого! Я словно ждала этих слов, охотно приняла их. Вот же сосед, стоит рядом и смотрит прямо на меня!

По телу Журбина пробежала дрожь, как будто он был голограммой. В следующий момент на его месте оказался Дэвид. Парень белозубо улыбнулся и протянул ко мне руки:

– Давай намажу спину кремом? – по-русски и почему-то голосом Гены произнёс он.

Я проснулась с радостным возбуждением. По мере того, как пробуждалось сознание, таяла эйфория. Гены нет. Я ведь видела его неподвижно лежащим, с головой, вывернутой набок под неестественным углом. Это был сон, всего лишь видение. Скорбь, охватившая всё существо, была такой сильной, что даже горчило во рту. Гены нет...

Я поднялась с кровати, сдерживая слезы. Вчерашний жутковатый день, наполненный тревогой, канул в Лету. Утро казалось напоённым безмятежностью и солнечным светом. Чувствуя себя отдохнувшей, выспавшейся, первым делом я осмотрела травмированную ногу. Опухоль спала, хотя синяк болел, но наступать было значительно легче.

Обследовав холодильник и кухонные запасы, я поняла, что сходить в магазин придётся. К тому же нога позволяла. Решив быть максимально осмотрительной, я взяла с собой пару сумок и не спеша вышла на лестничную клетку.

На улице действовала не менее осторожно. Страшный двор обошла по широкой дуге, невзирая на солидный крюк. Часто оглядывалась, внезапно останавливалась, если кто-то, идущий позади казался подозрительным, пропускала, выжидала и вновь шла дальше.

В магазине тоже не расслаблялась, внимательно разглядывая окружающих. И вот ведь незадача: мужской пол, никогда особо мной не интересовавшийся (даже на работе в баре мужчины относились ко мне, как к «своему парню»), сейчас, как будто сговорившись, решил уделить мне максимум внимания. Вполне допускаю, что раньше я и сама не обращала внимания на окружающих. Возможно, виной тому был как раз мой взгляд, притягивающий внимание, но факт был налицо: за время, пока я находилась в гипермаркете, ко мне пристали трижды.

Сначала худой парень лет, примерно моих лет, почувствовав мой взгляд, вскинулся, посмотрелся заинтересованно. Подошёл ко мне:

– Привет! Мы вроде у Машки дома виделись?

Я помотала головой, пугливо отходя в сторону:

– Не знаю никакой Маши...

Через некоторое время мой взгляд встретился со взором коренастого мужчины лет сорока. Он подмигнул. Осознав свою оплошность, я поспешно отвела глаза в сторону, но было уже поздно. Мужчина подошёл ко мне:

– Здравствуйте, девушка. Может быть, вам помощь нужна? Сумки донести? – галантно предложил он.

– Не надо! Спасибо! – я ещё пыталась изображать вежливость, хотя мне хотелось послать всех назойливых незнакомцев по всем известному адресу. Протиснувшись мимо мужика к кассе, я дождалась своей очереди, расплатилась, исподлобья продолжая изучать окружающих. Подхватив сумки, торопливо направилась к выходу.

Не тут-то было. Ко мне подходил он – вишенка на торте – охранник в серой униформе. Улыбался он при этом так елейно, что я испугалась. Что не так? Почему-то в воображении сразу мелькнула картина: мужик, которого только что «отшила» подкинул неоплаченный товар и сейчас меня...

– Вай, что я вижу! – вдруг широко улыбнулся охранник. – Наверное, великан шёл с мешком красавиц и одну из них выронил!

Некоторое время я изумлённо смотрела на него, открыв рот и пытаясь постичь смысл сказанного, а потом почувствовала, как белки моих глаз наполняются горячей кровью. Кажется, я слышала звук лопающихся капилляров:

– Вам... Что от меня надо? – голос мой звучал еле слышно, но только из-за едва сдерживаемого гнева.

– Так... Может, дашь телефончик? – кокетливо улыбнулся охранник.

– Пошел! – голос мой сорвался с баса на фальцет. Я не нашла других слов, как проорать. – Пошёл к черту!

– Какая грубиянка! – расстроено покачал головой мужчина, чем окончательно вывел меня из себя.

– Пошёл! – я припечатала нецензурный адрес, ощущая, как лицо вспыхивает жарким огнём возмущения. Мир сошёл с ума? Что происходит?!

Я рванулась прочь из магазина, не обращая внимания ни на кого, забыв про опасность, осторожность и больную ногу. Помчалась домой, как сайгак. Вот что мужское внимание делает!

Лишь добравшись до квартиры, захлопнув дверь и прислонившись к ней спиной, я поняла, что страх мой совсем исчез. Ведь и правда, случай с машиной мог быть совпадением? А я, накрутив себя гибелью Гены, придумала всякое.

Никто за мной не следил, не гнался и не пытался убить или покалечить. Я задумалась. Сегодня была очередная годовщина смерти отца. А это значит, что мне нужно, просто необхо-

димо поехать на кладбище. Увидеть отцовскую могилу, навести порядок и мысленно спросить у него, что же могло произойти с Геной? Почему он мне врал?

Глава 6

Сторожа звали Иван Петрович. И выглядел он именно так, как в моем воображении должен был выглядеть классический Петрович – сухощавый, невысокий, с густыми усами, чуть тронутыми сединой. Самое интересное, он выглядел так в последние семнадцать лет: то есть всё то время, что мы были знакомы.

С тех пор, как помнила себя, я постоянно спрашивала у мамы, где именно похоронен отец. Когда мне исполнилось одиннадцать лет, она решила взять меня с собой навестить могилу папы. Оказалось, он похоронен на кладбище недалеко от посёлка, в котором находилась наша дача. Мама объясняла это тем, что в то время, когда они встречались, отец жил как раз в деревушке, которая тогда ещё не была коттеджным поселком.

На службу в подмосковный городок он ездил на маршрутном такси. Когда случилась трагедия, папа даже не предупредил маму, что идёт на опасное задание, чтобы она не переживала. Просто ушёл утром на работу. А уже вечером его тело с тремя пулевыми ранениями лежало в морге.

Мама не хотела брать меня с собой, пока я была маленькой, решила, только когда стала более-менее соображать. Тогда я и увидела Петровича в первый раз. Он жил в сторожке при кладбище. То ли многолетнее нахождение рядом с усопшими, то ли сам ритм жизни, когда бешеная активность пронеслась мимо – словно законсервировали внешность сторожа в том виде, в каком я увидела его изначально.

Каждый год, приезжая на погост, я видела неизменно мутные хитрые глаза неопределённого цвета, тронутые сединой густые усы и покрытое сетью морщин узкое лицо. Разве что седина в волосах и усах чуть прибавлялось – а так ни дать, ни взять, человек без возраста.

Но сегодня был странный день, пасмурный, холодный, больше напоминающий октябрь. День, полный необъяснимой тревоги и смутной тоски. В очередную годовщину папиной гибели, я решила поехать на кладбище, невзирая ни на какие подстерегающие меня неведомые опасности. Чувствовала, как мне нужно сейчас увидеть глаза отца на подретушированном фото, задать ему вопросы и попробовать сформулировать ответ за него.

Подойдя к сторожке, я постучала в добротную дубовую дверь, приготовила вежливую улыбку и пакет с парой бутылок коньяка, большой банкой хорошего кофе и коробкой печенья. Мама пыталась дать Петровичу деньги, чтобы он присматривал за отцовской могилой, но мужчина всегда отказывался.

– Денег не надо, а вот от коньяку, не откажусь, – блестя хитрыми глазами, он наклонял голову, – конфетки не люблю, не девочка, а печенье уважаю. Кофеек хороший приветствую...

С тех пор подношение наше ежегодно так и выглядело: пара бутылок крепкого напитка, большая банка хорошего кофе и коробка печенья. Пробовали класть ещё фрукты, но Петрович заглядывал в пакет и морщился:

– Ни к чему мне апельсины, не любитель.

Так и сложился стандартный набор. Сейчас я стояла перед сторожкой, кутаясь в ветровку, потому что сильно озябла, пока ждала Петровича. Не открывали невыносимо долго, так что я развернулась, решив зайти позже. Тут же за спиной скрипнула отрывающаяся дверь. Я быстро обернулась, привычно улыбаясь и – как будто с размаху ударила лицом о стену. На меня смотрел, а вернее таранился красными глазами незнакомый бородатый мужик.

– Вы кто? – я вдруг растерялась, почти запаниковала. Фраза вырвалась резко и грубо.

– Я – Владимир Егорович, – прочистив горло, с достоинством ответил мужчина, – а вы к кому, собственно?

– Мне Петровича... Ивана Петровича надо увидеть! – я почувствовала, как странное истерическое состояние охватывает меня всё сильнее и уже догадываясь, что услышу в ответ.

На опухшем лице мужика выразилось что-то, похожее на сочувствие. Он поскреб подбородок большой рукой с чёрными ногтями и вздохнул:

– Петрович умер. Два месяца, как нет его с нами. Пару месяцев, как я здесь сторожем работаю.

Видимо, я сильно изменилась в лице, потому что мужик торопливо добавил:

– Соболезную...

– От чего он умер? – спросила я, осознавая, что эта информация не изменит ничего и не понимая, почему новость об уходе постороннего для меня человека ударила так больно. Мгновенно нахлынувшая тяжесть придавила так отчётливо, как будто атмосферное давление усилилось многократно и стало осязаемым.

– От старости. Ему же восемьдесят пять лет было, – мужик потоптался на пороге, а лице его читался вопрос: "Ещё что-то?" Я тяжело вздохнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Протянула принесённое Владимиру Егоровичу:

– Возьмите, пожалуйста. Помяните Ивана Петровича.

Новый сторож заглянул в недра пакета и улыбнулся. Поднял глаза и открыл рот, чтобы спросить о чем-то, но я повернулась и зашагала вглубь кладбища к могиле отца. Душу охватило смятение. Я понимала, отчего смерть Петровича вызвала такую бурю эмоций. Он был для меня своеобразным символом неизменности и стабильности одновременно. Сторож был частью моей жизни, ассоциировался со спокойствием, с отцом.

Теперь возникло ощущение, что из моей жизни вырвали кусок, оставив взамен зияющую чернотой пустоту. Смагивая слезы, я подошла к отцовской могиле и замерла, испытав очередной шок. Возле ограды, на лавочке сидел незнакомый мужчина в серой ветровке, джинсах и клетчатой кепке.

Некоторое время мы молча взирали друг на друга. Я – с нескрываемым неудовольствием, мужчина – с возрастающим интересом. Наконец, я решительно шагнула к калитке.

– Здравствуйте! – проговорила громко, с выражением, намекая, что пришёл не посторонний человек, пора бы и честь знать.

Вопреки моим ожиданиям, мужчина не вскочил с извинениями, не ушёл вместе со своей бутылкой, а продолжал нагло сидеть на месте. Я молча достала перчатки и стала пропальывать цветник.

– Здравствуйте, – ответил мужик, взглянув на меня удивлённо, – простите, а вы кем Андрею приходитеесь?

– Я его дочь, – коротко и сухо произнесла я, понемногу осознавая, что незнакомец тоже не совсем посторонний, – а вы кто?

Мужчина опрокинул стопку, крякнул, занюхал печеньем, потом откусил крохотный кусочек, пожевал:

– Я служил с Андреем в полиции, правда раньше она называлась милицией. Зовут меня Олег. Друзьями были хорошими. Жизнь меня закрутила, так я раньше редко сюда приходил, каюсь. А недавно случилось большое горе. Сын у меня два месяца тому назад погиб, недалеко отсюда похоронили. Вот и зачастил, заодно и Андрюху навестить. С ним рядом хорошо сидится, молодость вспоминается.

Я кивнула, теперь уже сама поглядывая на незнакомца с любопытством. Мне всегда очень хотелось встретиться с друзьями отца, узнать о нем побольше.

– Очень приятно познакомиться с папиным сослуживцем. А меня Аурика зовут, – я выпрямилась, искренне улыбнулась. Олег тоже улыбнулся в ответ, тепло и дружелюбно.

– Странно, что я о вас не слышал. Андрей мне все рассказывал. А сколько вам лет, прошу прощения за нескромный вопрос? – сослуживец отца продолжал изучать моё лицо. В какой-то момент я даже испытала неловкость.

– Двадцать восемь, – я решила ответить честно. Мне не терпелось самой расспросить кое о чем Олега.

Лицо папиного друга вытянулось, дружелюбие испарилось, а в глазах блеснуло недоверие:

– Но тогда получается, вы родились, когда Андрея уже не было в живых? Позвольте, это невозможно...

– Почему? – настала моя очередь удивляться.

Между тем, мужчина в возбуждении вскочил с лавочки, эмоционально замахал руками:

– Потому что перед своей гибелью он встречался с моей сестрой! И я точно говорю, что кроме Юльки у него никого не было! Не такой он человек, чтобы несколько подруг одновременно заводить!

– Нет, вы что-то путаете, – чувствуя, как жаркий румянец заливает щеки, упрямо произнесла я, – папа жил с моей мамой! Он погиб, так и не успев узнать обо мне, иначе бы они с мамой поженились! А так – не успели...

– Вы путаете! – убеждённо вскрикнул Олег. – Вы не можете быть его дочерью! Андрей был очень скромный, стеснительный! И несколько месяцев до самой своей гибели встречался с моей сестрой! Он физически не мог жить с кем-либо ещё, понимаете? Потому что они поселились вместе, у нас дома! Свадьбу играть собирались!

Юлька первое время за могилой ухаживала, а потом замуж вышла, дети родились. Я платил местному сторожу, чтобы он присматривал за могилой Андрея. Не мог Андрюха быть вашим отцом, это я вам ответственно заявляю! Днём у меня на глазах, на работе, вечером – дома с моей сестрой! Когда же ему ещё было с вашей мамой встречаться?! Поэтому, не обижайтесь, Аурика, но либо вас запутали, либо обманули, – он развёл руками, шумно выдохнул, окатив меня волной сивушных испарений и сел на место, успокаиваясь.

Я смотрела на Олега, открыв рот. Пыталась найти контраргументы и не находила. Мама говорила мне... Да, было такое. А что, если она мне лгала всё это время? Мысль, убийственная в своей простоте, поразила в самое сердце. Нет, не может быть! Это мой отец! Упрямо доказывал разгоряченный мозг. Скорее, я поверю в то, что этот мужчина, выпивший как минимум полбутылки водки – врет или путает. Я тоже стала успокаиваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.